

A man and a woman in Roman-style clothing are embracing in a large, ornate bathhouse. The man is shirtless with a cloth draped over his shoulder, and the woman is wearing a light-colored dress. They are surrounded by other people in the background, and the scene is lit with warm, golden light.

Мария Монферан

Серия: «Запретные термы Агриппы»

Книга первая:

«ДЕРЗКАЯ ПЛЕБЕЙКА
ДЛЯ СУРОВОГО
ТРИБУНА»

18+

Мария Монферан Дерзкая плебейка для железного трибуна

<https://litres.ru/74040866>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рим, 18 год до нашей эры. Золотой век Августа. Боги, которым положено следить за нравами, явно отвлеклись.

Термы Агриппы — биржа, исповедальня, охотничьи уголья. Здесь горячий пар смывает всё: сословия, приличия, имена. Сюда не положено приходить дочери сенатора. Именно поэтому она здесь.

Переодетая плебейкой, она пришла за азартом — и выбрала самую неудобную мишень в городе. Самого желанного мужчину Рима. Легата, о стены которого разбивались все светские матроны.

Она играла. Он влюбился. Никто не предупредил его, что правила придумала она.

Игра заходит слишком далеко. Одна случайность — и над её родом нависает позор. Она принимает решение — и избавляется от него. Красиво. Чисто. По всем правилам.

Она хотела сыграть. Он запомнил счёт.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мария Монферан Дерзкая плебейка для железного трибуна

Глава 1

Полдень лежал на Риме как сытый кот — расслабленно, мирно посапывая и без малейшего намерения двигаться.

В перистиле дома Клавдии Метеллы пахло розовым маслом, нардом, корицей — и ещё чем-то неуловимым, что не имело названия, но присутствовало здесь всегда. Запах припрятанных секретов. Самый стойкий аромат в этом доме.

Разноцветные лепестки роз осыпались в мраморную чашу имплювия. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь плющ, плясали на скульптурах богов. Кипарисы шуршали. Статуи тянули к воде длинные мраморные пальцы.

Женщины расположились в тени — так, как умеют располагаться только люди, у которых есть и время, и деньги, и полное отсутствие необходимости куда-либо торопиться.

Луцилия, белокурая дочь консуляра, жестикулировала с привычной театральностью — золотые кольца на запястьях звенели при каждом движении — резко, с привычным высокомерием. Под раскидистым платаном сидела Аврелия —

женщина, которую природа одарила внешностью ребёнка, а умом торговца строительным подрядом. Постумия поправляла складки столы с терпеливым видом женщины, привыкшей к тому, что жизнь всегда немного не так сидит.

Юния, сестра хозяйки, лениво опустила тонкие пальцы в воду небольшого мраморного бассейна у её ног, наблюдая, как испуганно метнулись вглубь золотые рыбки. Она молчала громче всех — в её тишине зрело что-то едкое и точное, готовое выплеснуться в самый неподходящий момент.

Эмилия выбрала место чуть поодаль, в густой тени увитой плющом арки. Эта позиция идеально отвечала её давней привычке — наблюдать прежде, чем говорить.

Разговор быстро перешёл от погоды к пикантному.

— ...бедная Семпрония, — тянула Аврелия с видом человека, которому не жаль, но очень интересно. — Её сестра вышла за старика, который старше её деда. Теперь каждое утро приносит жертвы, чтобы муж поскорее отправился к предкам. А Семпрония вместо утешения говорит всем: лучше быть богатой вдовой, чем молодой нищенкой.

Женщины засмеялись — тихо, с удовольствием.

Клавдия Метелла грациозно взяла финик и сделала маленький глоток из кубка, не сводя глаз с собеседниц:

— А я слышала, что Ливия, вдова Марка Атия, уже третий раз переписывает завещание. Сначала всё оставляла пле-

мяннику, теперь вдруг подумывает отдать храму Весты.

Женщины замерли — ровно настолько, чтобы смаковать каждое слово, как устрицу из Бай: маленькую, скользкую, с привкусом моря и чужой жизни.

К ложу бесшумно приблизился раб — сириец с кожей цвета дикого меда и хищной грацией дикого зверя. На нём была лишь короткая набедренная повязка. Наклонившись так близко, что Луцилия уловила тонкий запах его чистой кожи и сандалового масла, он с глухим стуком опустил на мраморную подставку бронзовую курильницу. Над решёткой тонкими сизыми струйками поднялся сладковатый дым аравийского ладана.

Луцилия провожала юношу медленным, скольльзящим взглядом. Она смотрела так, словно примеряла к нему свои тайные мысли: мысленно очертила крепкий разворот плеч, провела ладонью по мускулистой спине к тонкой талии — с той безмятежной, пьянящей уверенностью женщины, которая привыкла получать всё, на что падает её выбор. Не оборачиваясь к подругам, она медленно опустила тонкий палец в свой кубок, обмакнув его в густое рубиновое вино. Раб застыл под этим безмолвным призывом на долю секунды, едва заметно сглотнув, а затем так же бесшумно растаял в тени колоннады.

Луцилия поднесла влажный палец к губам, лениво слизнула каплю рубинового вина и бросила мимолётный, равно-

душный взгляд вслед удалившемуся сирийцу. Вернув внимание к перистиллю, она поправила соскользнувший с запястья золотой браслет и наконец подалась вперед:

— Милая Клавдия, ты слишком доверчива. Ливия не святее моей старой кормилицы. Никакой Весты. Это лишь притворство, призванное посеять панику среди её родни. А сама между тем собирается отписать всё состояние вольноотпущеннику из дома Сципионов, который уже год живёт под её крышей. И далеко не на правах слуги. — Её глаза хитро блеснули. — И оставить всё ему. Веста — это только для глаз плебса.

— А я слышала другое, — Постумия отставила кубок с ленивой улыбкой. — Никакого вольноотпущенника. Она нашла себе жреца. Египетского шарлатана с претензиями на загробное влияние. Ливия совсем потеряла остатки разума, раз держит этого александрийца под своей крышей. Принцепс вышвырнул их культы за померий, а она таскает в дом восточную скверну. Навлечет на свой род гнев Августа — никакие боги не спасут. Говорят, жрец обещал ей лучшую загробную жизнь, чем у самого принцепса. Так что продаёт фундус за фундусом.

— Сколько же у неё было земли? — спросила Эмилия, полулёжа на дальнем ложе.

— Три виллы в Кампании, два фундуса в Этрурии. Теперь

остался один. И завешание переписывает не на племянника и не на любовника — на его храм, чтоб никто не отобрал после смерти. Вот что значит по-настоящему бояться того света.

Эмилия чуть приподняла бровь, и её губы тронула понимающая усмешка:

— Значит, мужчины теперь дороже богов?

Луцилия, вращая пустой кубок, отрезала не задумываясь: — Боги обходятся дешевле. Им не нужно платить дважды. — Смех поплыл между колоннами — тёплый, чуть влажный, как сам воздух перистилия. За спиной Аврелии замер маленький раб-египтянин, мерно и бесшумно взмахивая огромным веером из страусиных перьев, ловя малейшее движение воздуха. Разговор патрицианок тёк неспешно, как само время.

Аврелия лениво перекатывала в ладони гладкий янтарный шар, согревая его пальцами и вдыхая едва заметный, тёплый аромат смолы:

— Ну, Ливия хотя бы сама распоряжается своим безумием. У других и этого нет.

— Это да, — согласилась Постумия, кончиками пальцев очерчивая контур собственной шеи, словно проверяя, на месте ли её любимое ожерелье из изумрудов. — При новых законах принцепса бездетной вдове и вздохнуть свободно нельзя. Всё под опекой родственников, всё под надзором

претора. Ни наследства толком не получить, ни шагу ступить без согласия опекуна.

Клавдия кивнула — медленно, с тем особым выражением, которое бывает у женщин, когда они говорят о чужой беде, но беззвучно радуются собственному везению:

— Август требует от нас рожать солдат для легионов и новых матрон для Рима. А на то, что творится за закрытыми дверями его приближённых, он закрывает глаза.

Юния наклонилась вперёд. Тяжёлое ожерелье из египетского золота тихо, погребально звякнуло о ключицы:

— Это всё потому, что у Ливии не осталось детей. Ни одного.

На секунду над столом повисла тяжелая, душная пауза. Все знали, как они исчезли.

— Её мальчики отдали жизни за этот самый Рим, — глухо продолжила Юния, и её идеальный светский тон на миг дал трещину. — Старший остался в ледяных германских болотах, младший — под стрелами в Кантабрии. А обе девочки... обе сошли в могилу в муках, пытаясь подарить продолжение рода своим мужьям. Все они погибли ради блага республики. А теперь республика отбирает у их матери право распоряжаться собственной жизнью. — Зато любая, кто успела трижды разродиться — пусть хоть от раба — считается испол-

нившей долг. Рим доволен.

— Нам говорят, что это ради нравственности, — произнесла Постумия. В её голосе, обычно скучном, как текст сенатского указа, прорезалась холодная, злая ирония. — О возрождении древних добродетелей предков. О долге перед богами.

— О долге, — согласилась Юния, и в глазах её блеснула опасная искра. — Рим забрал у неё кровь, а теперь забирает золото. Очень удобно.

Женщины помолчали — и тихо, согласно закивали, глядя в свои кубки, словно на дне каждого из них плескалась та же участь.

Эмилия сидела неподвижно. Разговор продолжался. Она взяла с серебряного подноса оливку и принялась её рассматривать. Маленькая. Чёрная. Блестящая на солнце, точно капля черного обсидиана. «Бездетная — значит, бесправная», — подумала она.

У Ливии больше не было сыновей. У Ливии больше не было дочерей. Всё, что у неё осталось после гибели мужа — земля, александрийский жрец с амулетами и завещание, которое она переписывает, просто чтобы хоть чем-то заполнить пустоту и уязвить алчную родню.

Она ни разу не слышала, чтобы имя Ливии произносили

с теплотой. Только как пример. Как поучительную историю. Как предупреждение или насмешку — в зависимости от жестокости рассказчицы.

Бездетная вдова. Уязвимая. Бесправная.

Эмилия подняла глаза. Аврелия молчала, разглядывая собеседниц с той едва заметной улыбкой, которая могла означать и согласие, и глубокое презрение. Тонкие пальцы патрицианки коснулись высокой причёски, рассеянно поправляя золотую шпильку. От этого движения пепельные волосы скользнули по плечу, открывая точёную шею:

— Ну и прекрасно. У меня восемь детей и отличный адвокат. Меня эти законы вполне устраивают.

Клавдия Метелла не подняла глаз от кубка:

— Дорогая, мы все прекрасно знаем, что твои восемь детей — дело рук щедрой природы и усердных рабов, а никак не твоего личного вкуса. Но оставим это.

Аврелия ничуть не смутилась, лишь приподняла одну бровь:

— Я слышу столько змеиного шипения вокруг собственного плодородия, что начинаю подозревать: законы Августа задели кого-то куда болезненнее, чем кажется. Но не будем о грустном. Оставим ссоры бездетным — у них так мало других развлечений. — Виноградина отправилась в рот. — Вы слышали про дочь Фабия Максима?

Патрицианки разом затихли, обратившись в слух.

— Застали с молодым греческим учителем риторики. В библиотеке. В третью ночную стражу. — Аврелия выдержала паузу, достойную лучших театров Рима. — Говорят, когда отец толкнул дверь, Гомера изучали настолько усердно, что рабы у входа стояли пунцовые. Одежду привести в порядок не успели.

— Юпитер, — выдохнула Юния, и в её широко раскрытых глазах плясал такой чистый восторг, что места для осуждения не оставалось. — Теперь Фабий ищет ей самого дряхлого сенатора, чтобы прикрыть позор законным браком.

— И найдёт, — бросила Эмилия. — У кого есть золото, у того и боги безгрешны.

Солнце перешло за колонну, и тяжёлый литой браслет на её запястье вспыхнул так ярко, что на мгновение ослепил. Золото казалось раскалённым, почти живым, в то время как под её ладонью оставался мертвенно-холодный, гладкий белый мрамор скамьи. Чистый, без единого изъяна — как те самые безгрешные боги, которых они покупали за свои се-стерции.

Короткая тишина наступила сама собой — как всегда бывает, когда одна сплетня уже выдохлась, а следующая ещё не родилась.

Рабыня в зелёной тунике бесшумно наполнила кубки. Солнечный луч, поймав край серебра, полоснул бликом по мозаичному полу.

— А вот это уже по-настоящему интересно, — понизив голос до интригующего полужёпота, сказала Постумия, перебирая пальцами тяжёлые золотые фибулы на плече, поправляя складки домашней туники из тончайшего косского шелка. — Вчера в новых термах Агриппы видели Юнию. В компании Корнелии.

Воздух перистилия тут же сгустился от жадного любопытства; даже рабыня с кувшином застыла на полушаге, боясь шелохнуться и ловя каждое слово.

— Они прогуливались у большого бассейна, — продолжила Постумия с медовой улыбкой, в которой угадывалось остриё. — Скажи, Юния, милая — что могла искать благородная матрона в обществе этой женщины?

Юния не смутилась. Ответила спокойно, без тени оправдания:

— Мы просто столкнулись у портика. В Риме, как ни широки улицы, пути всё равно пересекаются.

— Конечно, случайно, — кивнула Клавдия Метелла. — Корнелия умеет устраивать нужные встречи и улаживать дела, о которых не говорят даже на Форуме. Только цена за её услуги всегда высока. Сегодня пользуешься её помощью —

завтра твоя репутация висит на её молчании.

Эмилия слушала. Имя Корнелии она слышала впервые, и в её душе не было ни страха, ни осуждения — только чистое любопытство: кто такая женщина, одно упоминание которой заставляет первых матрон Рима выпрямить спины?

Юния окинула всех острым взглядом. Что-то мягкое в её осанке исчезло, уступив место холодной римской практичности.

— Тит Фурий вернулся из легионов с наградами от принцепса, — сказала она негромко. — Сейчас он самый желанный жених в Риме. Прямо к нему не подступиться. Через Корнелию можно устроить так, чтобы сестра моего мужа «случайно» оказалась в соседней ложе на грядущих Сатурналиях. Или заняла кресло рядом с ним в театре. Земля, клиенты, положение. Главное — успеть раньше других.

Матроны молчали, взвешивая услышанное. В Риме брак — это прежде всего ход на игровой доске.

Эмилия перевела взгляд на Юнию. Имя Тита Фурия ей ничего не говорило. Но то, с какой деловитой хваткой матроны принялись мысленно делить еще не завоеванного мужчину, вызвало у неё мимолетную улыбку. Эмилия почти физически увидела, как над головой легионера, выжившего в

германских болотах, затягивается невидимая шелковая петля. Тит Фурий ещё только держал путь к Риму, наивно считая себя свободным гражданином, а его фундусы, рабы и будущие дети уже были учтены, взвешены и занесены в негласный реестр римских матрон. Против этой домашней канцелярии у ветерана не было ни единого шанса — сеть была сплетена и заброшена задолго до того, как его корабль бросил якорь в Остии.

— Раз уж ты была во владениях Агриппы, — подала голос Луцилия, лениво наблюдая за бликами вина в кубке. — Стоят ли его термы тех разговоров? Я ещё не приказывала нести туда носилки. Говорят, там плебейка из сукновальни или какой-нибудь ремесленник моются в одной воде с сенаторами.

Юния чуть прикрыла глаза и картинно вздохнула.

— Если бы только ремесленник. И гладиаторы, дорогая. — Её голос приобрёл тягучие, почти чувственные интонации — она заново погружалась в то пространство, и это было слышно. — Представьте: огромные, подавляющие своды, и солнечный свет рассекает густой пар в кальдарии плотными золотыми лучами. В этом тумане движутся десятки силуэтов. Плеск воды, звон бронзовых тазов, эхо голосов, летящее от стен фригийского мрамора. Этот гул оглушает с первой минуты.

Она сделала паузу — изящную, выверенную, позволив рабыне разбавить её кубок.

— Агриппа превзошёл всех. Мозаики под ногами такие, что поначалу жаль ступать. Но этот народ... — Юния брезгливо повела идеальным, гладким плечом. — Пускают любого, у кого завалилась мелкая монета. Жёны всадников, разбогатевшие вольноотпущенницы, дочери торговцев шерстью и матроны — всё смешалось в одну толпу. Пахнет горячим камнем, дешёвым маслом и чужим потом. Моим рабыням пришлось выстроить вокруг меня живую стену у капсария, чтобы меня не задели чьи-то грязные локти, пока служитель принимал одежду.

— И ради чего терпеть подобное убожество? — У Клавдии Метеллы блеснул в глазах искренний скептицизм. — Неужели только ради того, чтобы окунуться в воду из нового акведука рядом с каким-нибудь матросом?

— Ради этого. — Юния подалась вперёд, перейдя почти на шёпот, и в её глазах мелькнул холодный, расчетливый ум. — В густом паре лаконики невозможно разглядеть лицо человека в двух шагах от тебя. Из-за эха и вечного крика торговцев лепешками никто не услышит, о чём ты говоришь, даже если стоит к тебе вплотную. Пока рабыня скребёт тебе спину стригилем, можно передать послание, купить нужного человека или заключить сделку, о которой не рискнёшь заговорить даже здесь, за надёжными стенами собственного дома.

Голоса матрон поплыли дальше, уносясь к капителям ко-

лонн, а в воображении Эмилии этот хаос вдруг выстроился в идеальную картину. Влажный полумрак. Золотое сияние, пробивающееся сквозь туман. Сотни безликих силуэтов, и никто не знает твоего имени. Место, где можно скрыться — прямо на виду у всего Рима.

Эмилия посмотрела на свои руки. На пальцы. На золото браслета, который она поправляла тысячу раз в день — машинально, как поправляют что-то, давно ставшее частью тела.

За садовой стеной проехала телега. Скрип колеса, чужой смех — и всё быстро стихло. Рим жил там, снаружи. Полный людей, которых она никогда не видела. Запахов, которых не знала. Полный чего-то такого, чему она не умела дать имя.

Аврелия со вздохом поправила сползающую с плеча бретель столы:

— И всё-таки греческие рабыни совершенно обленились. Ты бы видела, какое галльское мыло они смешали мне вчера — вместо благородного золота получилась чистая ржавчина, да еще и пахнущая козым жиром. Пришлось высечь одну — остальные сами вспомнили, как надо. Эмилия, ты меня вообще слышишь?

— Слышу, — сказала Эмилия.

Она улыбнулась — положенным образом, в нужном месте, так, чтобы эта безупречная светская маска скрыла её настоящие мысли.

Только теперь она поднесла оливку к губам. Горькая, как

всегда. Правильная.

Она медленно перекатила языком косточку и посмотрела на идеальный пол под ногами. Тысячи крошечных цветных камушков, пригнанных один к одному. Законченный, неизблемый узор.

Эмилия опустила взгляд на один из них — светлый, едва заметный у самого края мозаики. И вдруг отчетливо, до зуда в подушечках пальцев, захотела поддеть его ногтем. И вытащить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.